

УДК 321.7
ББК 66.3
Д31

Подготовлено в рамках проекта ВШЭ
по изданию переводов учебной литературы

Перевод с английского
*И.М. Локшина, И.А. Томашова, А.И. Ефимовой, Н.И. Пискуновой,
А.Н. Воробьева, М.А. Еременко, М.Г. Миронюка*
при участии *А. Кузянина, А. Ахиева*

Д31 **Демократизация** [Текст] : учеб. пособие / сост. и науч. ред. К. В. Харпфер, П. Бернхаген, Р. Ф. Инглхарт, К. Вельцель ; пер. с англ. под науч. ред. М. Г. Миронюка ; предисл., сост. указателя М. Г. Миронюка ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 708, [4] с. — (Переводные учебники ВШЭ). — 1500 экз. — ISBN 978-5-7598-1193-0 (в пер.).

С тех пор как глобальная волна («третья волна») демократизации достигла пика на рубеже 1980–1990-х годов, тема демократизации стала важнейшей для понимания современного мира политики. Неслучайно во многих бакалаврских и постдипломных учебных программах по политической науке и международным отношениям появились учебные курсы по политическим изменениям и демократизации, но при этом предложение высококачественных учебников по данной тематике остается ограниченным. Настоящее учебное пособие восполняет указанный пробел, доступно и в систематизированном виде знакомя студентов и всех интересующихся современной политикой с теоретическими и практическими аспектами политических изменений и демократизации. В нем затронуты практически все важные аспекты демократизации, включая собственно теории демократизации, необходимые предварительные условия и движущие силы демократического транзита, ключевые акторы и институты, а также условия и вызовы консолидации новых демократий в основных регионах мира. Уделено внимание и неудавшимся случаям демократизации.

Книга адресована тем, кто изучает и преподает политические науки, а также всем, кто пытается разобраться в непростых вопросах политического развития мира в последние десятилетия.

УДК 321.7
ББК 66.3

Democratization, First Edition was originally published in English in 2009. This translation is published by arrangement with Oxford University Press.

ISBN 978-0-19-923302-1 (англ.)
ISBN 978-5-7598-1193-0 (рус.)

© Oxford University Press 2009
© Перевод на русский язык,
оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие научного редактора русского издания	14
1974 — 1989 — 2014 гг.: некоторые итоги и уроки	14
Как читать эту книгу и зачем она нужна?	24
Предисловие редакторов к первому изданию и благодарности	27
О редакторах	29
Об авторах	30
Глава 1. Вводная	32
Подходы к изучению демократизации	36
План книги	39
ЧАСТЬ I.	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	
Глава 2. Демократические и недемократические государства	45
Введение	45
Признаки демократических государств	46
Государство как отправной пункт	46
Характеристики демократического государства	48
Текущее состояние государств	51
Различные типы подотчетных демократий	52
Различные типы недемократических государств	54
Большинство режимов — частично демократические или частично автократические	55
Эволюция, фальстарты и демократизация в обратном порядке	58
Избавление от явных недостатков	59
Динамика демократических и недемократических государств	62
Динамика демократических режимов	63
Динамика конституционной автократии	64
Динамика плебисцитарной автократии	64
Динамика неподотчетной автократии	65
Заключение	66
Глава 3. Измерение демократии и демократизации	69
Введение	69
Дихотомия или градация?	70
Концептуализация демократии	70
Сортальные versus шкальные концепты	73
Демократические оттенки автократических систем	75

Измерение демократии	76
<i>Аспекты демократии</i>	76
<i>Проблема перегруженности понятия</i>	79
<i>Индикаторы демократии</i>	81
<i>Перевод аспектов и индикаторов в шкальные оценки</i>	86
<i>Распространение демократии согласно четырем основным индексам</i>	88
Гибридные режимы и подтипы демократии	91
Заключение	94
Глава 4. Длинные волны и развилки демократизации	98
Введение	98
Общая картина	101
Первая длинная волна (1776–1914 гг.)	104
Первая благоприятная развилка (1918–1919 гг.)	106
Вторая длинная волна с отдельными разрывами (1945–1988 гг.)	109
Последняя по времени развилка (1989–1990 гг.)	112
Заключение	115
Глава 5. Глобальная волна демократизации	119
Введение	119
Подъем демократии	121
Национальные, региональные и глобальные процессы	129
<i>Южная Европа в 1970-е годы</i>	130
<i>Латинская Америка в 1980-е — начале 1990-х годов</i>	131
<i>Советский / коммунистический блок в 1989 г. и последующее время</i>	134
<i>Азия в 1980–1990-е годы</i>	137
<i>Африка в начале 1990-х годов</i>	140
<i>Ближний Восток и Северная Африка?</i>	142
Заключение	143
Глава 6. Теории демократизации	148
Введение	148
Природа и происхождение демократии	149
<i>Демократия и распределение ресурсов</i>	151
<i>Капитализм, индустриализация и демократия</i>	153
Социальные расколы, распределительное равенство и демократизация ...	155
Колониальное наследие, религиозные традиции и демократия	157
Модернизация и демократизация	159
Международные конфликты, альянсы режимов и демократизация	160
Пакты между элитами, мобилизация масс и демократизация	162
Государственные репрессии и демократический запрос масс	163
<i>Массовые убеждения и демократизация</i>	164
<i>Демократизация как уступка со стороны элит versus демократизация как результат политического давления масс</i>	167

Институциональные конфигурации и демократия	169
Путь к демократии через расширение возможностей людей	170
Типология процессов демократизации	171
Заключение	173
ЧАСТЬ II. ПРИЧИНЫ И ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ	
Глава 7. Международный контекст	179
Введение	179
Международный контекст демократизации: теоретические подходы	180
Стратегии США и Европейского союза по продвижению демократии	184
<i>Продвижение демократии Соединенными Штатами Америки</i>	<i>186</i>
<i>Продвижение демократии Европейским союзом</i>	<i>189</i>
Глобализация, глобальное гражданское общество и демократизация.....	192
<i>Глобализация и упадок власти государств.....</i>	<i>192</i>
<i>Положительное и отрицательное влияние глобального гражданского общества на демократизацию</i>	<i>194</i>
Заключение	198
Глава 8. Демократия, бизнес и экономика	203
Введение	203
Капитализм и демократия: историческая связь	206
Как капитализм влияет на демократию	211
Как демократия влияет на бизнес	218
Роль экономических акторов при демократическом транзите	222
Политические и экономические реформы	226
<i>Реформирование систем с историей ориентированного на экспорт экономического развития</i>	<i>227</i>
<i>Реформирование систем, основанных на импортозамещающей индустриализации</i>	<i>228</i>
<i>Реформирование коллективистских экономик</i>	<i>229</i>
Заключение	230
Глава 9. Политическая культура, массовые убеждения и изменение ценностей.....	233
Введение	233
Роль массовых убеждений в литературе о демократизации	235
Массовый запрос на демократию.....	237
Легитимность режима.....	240
Результаты функционирования экономики и легитимность режима	243
Тезис о конгруэнтности	244
Порождает ли демократия эмансипационные ценности?	247
Объяснение демократических изменений	252
<i>Эмансипационные ценности и расширение политических и экономических возможностей</i>	<i>255</i>

Роль религии	257
Заключение	260
Глава 10. Гендер и демократизация.....	262
Введение	262
Гендер в определениях демократии	263
Демократическое представительство женщин: формальное, дескриптивное и содержательное.....	267
Избирательное право женщин как аспект демократизации	270
Представительство женщин как аспект демократии.....	274
Женщины и движения за демократизацию	277
Заключение	279
Глава 11. Социальный капитал и гражданское общество	282
Введение	282
Определение гражданского общества и социального капитала.....	283
Гражданское общество и социальный капитал в процессе демократизации	286
<i>Сети как источники информации</i>	287
<i>Ассоциации как школы демократии</i>	288
<i>Доверие и демократия</i>	289
<i>Повторение</i>	290
Парадоксы гражданского общества и социального капитала в новых демократиях.....	291
<i>Необходимы ли гражданское общество и социальный капитал для демократизации?</i>	291
<i>«Гражданское общество против государства?»</i>	292
<i>Социальный капитал, гражданское общество и демократия: что сначала?</i>	293
<i>Все ли формы социального капитала благоприятны для демократий?</i>	294
Гражданское общество, социальный капитал и демократия: западный подход?.....	296
Заключение	297
 ЧАСТЬ III. АКТОРЫ И ИНСТИТУТЫ	
Глава 12. Социальные движения, профсоюзы и правозащитные сети	303
Введение	303
Социальные движения в исследованиях демократизации	304
<i>Структурные подходы: теория модернизации и исторический классовый подход</i>	304
<i>Транзитология: подход, концентрирующийся на процессе взаимодействия элит</i>	306
Роль «демократизации снизу»: взгляд со стороны исследователей социальных движений	311

<i>Циклы протеста и волны забастовок в период демократизации</i>	313
<i>Сопrotивление недемократическому режиму</i>	315
<i>Либерализация и рост мобилизации</i>	317
<i>Переход к процедурной демократии</i>	318
<i>Консолидация процедурной (или полноценной?) демократии</i>	320
<i>Расширение в направлении постпредставительной демократии</i>	320
Заключение	321
Глава 13. Конвенциональное гражданское участие	326
Введение	326
Аспекты политического участия	328
Явка на выборы	334
Институты и политическое участие	338
Граждане и политическое участие	341
Заключение	345
Глава 14. Политические партии	350
Введение	350
Являются ли партии обязательной компонентой демократии?.....	351
Являются ли партии ключевыми акторами демократического транзита?	
Существуют ли альтернативные акторы?.....	355
<i>Вариативность демократических транзитов</i>	355
<i>Преимственность элит, преимственность партий,</i> <i>разрыв преимственности элит и партий</i>	357
<i>Международные и внешние факторы</i>	360
<i>Роль партий в демократическом транзите</i>	362
Как партии укрепляют демократию?	364
<i>Электоральная стабилизация</i>	364
<i>Создание устойчивых паттернов партийной конкуренции</i>	365
<i>Стабилизация партийного лидерства</i>	366
<i>Легитимизация</i>	367
<i>Анкеровка</i>	368
<i>Взаимодействие легитимизации и анкеровки</i>	371
Когда партии терпят неудачи?.....	373
Заключение	375
Глава 15. Избирательные системы и институциональный дизайн	
в новых демократиях	379
Введение	379
Институциональный дизайн	380
«Электоральные законы» Дюверже и Сартори	382
Партийная система как независимая переменная	384
Смешанные избирательные системы.....	385
Первая зависимая переменная: число партий	386

Вторая зависимая переменная: партийные системы.....	388
Дополнительные переменные: расколы и президентская форма правления.....	389
Современное состояние исследований.....	391
Данные из новых демократий	392
Дизайн избирательных систем и управление этническими конфликтами	394
Консоциативная демократия	397
Заключение	398
Глава 16. Средства массовой информации	402
Введение	402
Международные средства массовой информации, коммуникационные технологии и демократизация.....	405
<i>Международное вещание и демонстрационный эффект</i>	<i>406</i>
<i>Международные средства массовой информации: функция определения «повестки дня».....</i>	<i>407</i>
Отношения между средствами массовой информации и государством.....	409
<i>Регулирование и законы о средствах массовой информации</i>	<i>409</i>
<i>Интернет и мобилизация</i>	<i>411</i>
<i>Политики и средства массовой информации в новых демократиях</i>	<i>412</i>
Средства массовой информации и рынок	414
<i>Средства массовой информации в посткоммунистической Европе</i>	<i>415</i>
<i>Средства массовой информации в Латинской Америке</i>	<i>416</i>
<i>Средства массовой информации в Африке</i>	<i>417</i>
Профессионализм в журналистике и качество подачи новостей	417
Заключение	420
Глава 17. Неудавшаяся демократизация.....	425
Введение	425
Классификация стран.....	426
<i>Страны устойчивой демократизации</i>	<i>426</i>
<i>Страны неустойчивой демократизации</i>	<i>427</i>
<i>Страны неудавшейся демократизации</i>	<i>428</i>
Что разрушает демократию?	430
Кто разрушает демократию?	437
<i>Пределы влияния ситуативных факторов</i>	<i>437</i>
<i>Агенты, вызывающие крушение демократии</i>	<i>439</i>
Что делать?	442
<i>Усиление парламента и ограничение исполнительной власти.....</i>	<i>442</i>
<i>Изменение структурных факторов</i>	<i>445</i>
Заключение	448

ЧАСТЬ IV. РЕГИОНЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Глава 18. Южная Европа	455
Введение	455
Португалия	456
<i>Первый переход к демократии</i>	456
<i>Второй переход к демократии</i>	457
<i>Причины демократического транзита</i>	459
Греция	462
<i>Кипрский конфликт как «спусковой крючок» транзита</i>	463
<i>Роль Караманлиса в процессе транзита</i>	463
<i>Учредительные выборы и первое демократическое правительство</i>	465
Испания	467
<i>Пакт элит как главная особенность транзита</i>	467
<i>Обратная легитимность</i>	468
<i>Новая демократическая конституция</i>	470
<i>Политика консенсуса</i>	471
Объяснение демократизации в Южной Европе	475
<i>Международный контекст</i>	475
<i>Бизнес и экономика</i>	477
<i>Политическая культура и общество</i>	479
<i>Актеры: роль соглашений между элитами</i>	484
Заключение	486
Глава 19. Латинская Америка	491
Введение	491
Исторический обзор	493
<i>Историческое влияние Кубинской революции</i>	493
<i>Аргентина</i>	494
<i>Чили</i>	494
<i>Мексика</i>	495
<i>Венесуэла</i>	496
Международный контекст	497
Экономические факторы	502
Политическая культура и общество	504
Политические партии и социальные движения	509
Институциональные вызовы	513
Заключение	518
Глава 20. Посткоммунистическая Европа и постсоветская Россия	521
Введение	521
Упадок и неудавшиеся реформы коммунистических режимов в 1970–1988 гг.	523

Падение коммунистических режимов в 1989—1991 гг.	525
Создание новых демократий	527
От новых демократий к консолидированным демократиям.....	528
От новых демократий к электоральным демократиям	530
От новых демократий к автократиям	533
Заключение	534
Глава 21. Ближний Восток и Северная Африка	537
Введение	537
Стойкость авторитаризма в странах арабского мира.....	539
Международный контекст.....	543
<i>Роль исламистских политических акторов</i>	543
<i>Роль Израиля</i>	545
Политическая культура и общество	546
Бизнес и экономика.....	552
Агенты демократизации и неудачи демократии	555
<i>Слабые многопартийные системы под контролем государства</i>	556
<i>Исламистские социальные движения и политические партии</i>	557
Институциональные вызовы	559
Заключение	561
Глава 22. Африка южнее Сахары.....	565
Введение	565
Демократическая волна в Африке.....	567
<i>Период транзита</i>	567
<i>Особенности транзита</i>	569
Ключевые примеры режимных транзитов	672
<i>Южная Африка</i>	573
<i>Гана</i>	575
<i>Нигерия</i>	576
<i>Зимбабве</i>	577
Объяснительные факторы	579
<i>Международные влияния</i>	579
<i>Экономические условия</i>	580
<i>Политическая культура и общество</i>	581
<i>Роли политических акторов</i>	582
<i>Развилка и обусловленность</i>	584
Институциональные вызовы	585
<i>Выборы</i>	586
<i>Политические партии</i>	587
<i>Гражданское общество</i>	588
<i>Легислатуры и суды</i>	589
Заключение	591

Глава 23. Восточная Азия	595
Введение	595
Восточная Азия как регион демократизации.....	596
Переход к демократии	601
<i>Типы демократической смены режимов</i>	601
<i>Филиппины</i>	603
<i>Южная Корея</i>	604
<i>Тайвань</i>	604
<i>Таиланд</i>	605
<i>Монголия</i>	606
<i>Камбоджа</i>	607
<i>Индонезия</i>	607
<i>Причины переходов к демократии</i>	609
Демократизация с содержательной точки зрения	611
<i>Демократическое управление</i>	611
Перспективы демократизации Китая и Сингапура.....	616
Заключение	622
Глава 24. Выводы и перспективы: будущее демократизации	628
Тактические и стратегические факторы.....	629
Факторы развития.....	633
Внешние угрозы и враждебность между группами как препятствия для демократии	634
Эволюционная перспектива.....	635
Демократическая повестка будущего.....	638
Распространение демократии на новые регионы.....	638
Консолидация и улучшение новых демократий.....	639
Углубление старых демократий	640
Глоссарий.....	642
Литература.....	650
Указатель имен	698

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ

1974 — 1989 — 2014 гг.: некоторые итоги и уроки

2014 год является юбилейным и во многих отношениях символическим с точки зрения тематики книги, которую вы держите в руках. В этом году исполнилось 40 лет событию, получившему романтическое название «революция гвоздик». Вряд ли организаторы и участники бескровного, как утверждают историки, военного переворота в Португалии догадывались о том, что их действия станут началом процесса, названного впоследствии «третьей волной демократизации». Вряд ли убежденный противник демократического принципа и создатель авторитарного режима правого толка, свергнутого португальскими военными в апреле 1974 г., в прошлом университетский профессор, а затем последовательно министр финансов и председатель Совета министров, а фактически диктатор Португалии в 1932–1968 гг., Антониу ди Оливейра Салазар мог себе представить, что созданное им «Новое государство», вообще-то пользовавшееся продолжительное время немалой поддержкой разных слоев общества и добившегося как минимум социально-экономической стабильности, будет сметено представителями офицерского корпуса, который сам режим воспринимал как свою опору. Не менее удивительно и то, что пришедшая к власти хунта придерживалась левых взглядов и осуществила масштабную национализацию. Политические и социально-экономические трансформации в Португалии несколько изменили траекторию после ноября 1975 г., страна избежала погружения в еще больший хаос революционного переустройства и в течение почти полутора десятилетий претерпевала изменения, став, наконец, в 1989 г. консолидированной демократией.

Не менее примечателен и 1989 год, хотя примечателен он рядом прямо противоположных по своим результатам событий. 25 лет назад после более чем месяца демонстраций с требованиями перемен на площади Тяньаньмэнь и на фоне распространения выступлений на ряд крупных городов власти Китайской Народной Республики, наблюдая, как развиваются события в Центральной и Восточной Европе, приняли решение жестко подавить протесты. Но «резня на площади Тяньаньмэнь», как назвали мировые СМИ события 3–4 июня 1989 г., имела далеко идущие последствия. Да, китайские лидеры не допустили «восточноевропейского» сценария распада коммунистического режима, но и не свернули экономические реформы. Не отказались они и от принципа ротации высших руководителей, сде-

лав выводы из последствий, которые несет для любой страны отсутствие сменяемости власти на протяжении длительного периода времени. В том числе и поэтому после 1989 г. во главе КНР были представители уже нескольких поколений руководства Коммунистической партии Китая. События на площади Тяньаньмэнь, наконец, показали и важность знания о настроениях масс и даже их учета, правда, только по некоторым вопросам внутренней политики (отсюда, например, постоянная борьба с коррупцией среди всех уровней государственного и партийного руководства). Впрочем, все произошедшее также укрепило власти Китая во мнении о том, что самоорганизация масс в любых формах может привести к возникновению вызовов, с которыми в следующий раз КПК может и не справиться известными способами, а также о том, что полная и бесконтрольная открытость страны потокам информации из внешнего мира несет серьезные опасности. За четверть столетия рыночные реформы сделали Китай одной из крупнейших экономик мира, пока вполне успешно поддерживающей рост благосостояния населения. Эти и другие реформы даже расширили сферу индивидуальных свобод. Правящий коммунистический режим не только не пал, но скорее укрепился и сейчас озабочен наращиванием политического влияния в мире.

После событий на площади Тяньаньмэнь представители недемократических режимов в Центральной и Восточной Европе, включая СССР, а также во многих других странах, которые затруднительно назвать демократиями, как, впрочем, и их оппоненты, выступающие за перемены, увидели, какой ценой обернется сохранение старых режимов (иначе говоря, какими могут стать «издержки подавления») или обретение свободы, если будет выбрана насильственная стратегия борьбы. Выводы из произошедшего, в большинстве случаев вполне рациональные, были сделаны разные.

Спустя почти полгода в тогда еще единой Чехословакии произошли события, названные «бархатной революцией». Ее прологом стала разрешенная властями студенческая демонстрация 17 ноября 1989 г., закончившаяся разгоном и массовыми арестами участников. Но вместо повиновения власти столкнулись с реакцией, на которую не рассчитывали и не были в полной мере готовы отреагировать так, как сделали ранее китайские товарищи. По стране прокатилась волна демонстраций протеста, в организации которых важную роль сыграл созданный в Чехии «Гражданский форум», одним из лидеров которого был диссидент со стажем, начавшимся после подавления «пражской весны» 1968 г., В. Гавел. Кульминацией стали многотысячный митинг протеста в Праге, последующая мирная капитуляция коммунистического правительства и формирование нового коалиционного правительства. Президент Г. Гусак подал в отставку, и 29 декабря 1989 г. Федеральное собрание избрало своим председателем одного из лидеров «пражской весны» А. Дубчека, а президентом Чехословакии — В. Гавела.

Иначе события развивались в Румынии, в которой старый режим имел сильный персоналистский характер. В конце декабря 1989 г. в связи с демократическими преобразованиями в соседней Венгрии, где власти и оппозиция в режиме переговоров (за «круглым столом») договорились о существенных преобразованиях, начались волнения в Трансильвании, где проживало немало венгров. Н. Чаушеску собрал демонстрацию в поддержку режима, т.е. в свою поддержку, но митингующие неожиданно начали выступать против него. На «момент неожиданности» власти отреагировали так, как почти полгода до этого сделали китайские товарищи — по демонстрантам был открыт огонь. Начались волнения, которые вылились в восстание. Пытавшийся бежать из страны Чаушеску был арестован и после скоротечного суда расстрелян вместе с супругой. К власти пришел Фронт национального спасения, сформированный оппозиционно настроенными представителями партийной элиты. Показательно, что довольно скоро он вступил в конфликт с оппозиционными силами вне элиты старого режима, которые стремились к отстранению от власти представителей бывшей правящей партии, что вылилось в уличные столкновения летом 1990 г.

В Польше власти в 1988 г. столкнулись с забастовками рабочих. У лидеров старого режима уже был опыт противостояния забастовочному движению в начале 1980-х годов. Однако на этот раз власти пошли на диалог с «Солидарностью». Проведение переговоров в 1989 г. между представителями массовой оппозиции и властями осуществлялось в рамках «круглого стола» политических партий и общественных организаций, и именно «круглый стол» стал источником легитимного изменения режима. Ни В. Ярузельский, скончавшийся в 2014 г., ни функционеры ПОРП не хотели устранения режима и, вероятно, считали тогда, что переговоры могут стать инструментом его реформирования и они будут контролировать реформы, сохраняя власть. «Круглый стол», снизив потенциал конфликта между оппозицией и режимом, открыл возможность проведения выборов. И 4 июня, когда на другом конце континента разворачивалась трагедия, на них победу праздновала «Солидарность» (точнее, созданный ею Гражданский комитет). В 1990 г. коммунисты были выведены из состава польского правительства, и В. Ярузельский ушел с поста президента. Президентом стал Л. Валенса, один из создателей «Солидарности».

Пока все приведенные выше примеры — это случаи успешной демократизации (за исключением Китая, конечно). Но даже в Центральной и Восточной Европе избавление от старых режимов вовсе не было таким уж безболезненным. Распад старого режима обернулся распадом Югославии. Еще в 1971 г. в Хорватии, входившей в состав СФРЮ, возник политический кризис. Руководство Союза коммунистов Хорватии потребовало большей экономической самостоятельности республики, найдя опору в массовом национальном движении. Лидер Югославии И. Броз Тито решил, как

ему казалось, проблему, отстранив хорватское руководство и «зачистив» партийный и государственный аппарат от нелояльных «националистов». Впрочем, в конституции СФРЮ 1974 г. права республик все же были расширены. Пока был жив создатель и руководитель не самого жесткого по меркам социалистического лагеря режима, противоречия удавалось держать под контролем, но после смерти Тито они проявились с новой силой. Неудивительно, что на первых многопартийных выборах в Хорватии в мае 1990 г. победили националисты — Хорватское демократическое содружество (ХДС), возглавляемое Ф. Туджманом, видным деятелем старого режима, впрочем, от него же и пострадавшим за национализм. В 1991 г. Хорватия провозгласила независимость, на что хорватские сербы в районах компактного проживания ответили созданием собственных автономных государственных образований, которые позднее провозгласили независимость уже от Хорватии и получили помощь от частей Югославской народной армии. Спорадические вооруженные столкновения в итоге вылились в ожесточенные боевые действия в конце 1991 г. В 1995 г. хорватская армия заняла Сербскую Крайну, тем самым начав процесс реинтеграции (с конца 1995 г. — мирной реинтеграции) контролируемых сербами территорий в Республику Хорватия, заверченный к январю 1998 г. В условиях войн на пространстве бывшей Югославии националисты во главе с Туджманом находились у власти в Хорватии 10 лет, что в итоге обернулось замедлением и приостановкой процессов демократизации и международной изоляцией страны. Через год после смерти «сильного лидера» Туджмана на выборах победила демократическая коалиция шести партий, создав окно возможностей для завершения процессов демократизации, которые на этот раз имели сильную внутреннюю и внешнюю (при большем количестве условий, которым необходимо соответствовать) поддержку с прицелом на обретение членства в ЕС (2013 г.).

Однако далеко не всегда выход из старого режима автоматически приводит к переходу в долгожданное демократическое состояние, пусть и через трудности, а зачастую и кровопролитие. 1989 год стал «моментом истины» и для руководства СССР, которое не смогло в итоге сохранить старый режим и страну, открыв путь к 1991 г. и последующему возникновению на постсоветском пространстве новых независимых государств, траектории развития которых радикально разошлись — от упрочения демократических режимов (пусть и не идеальных полиархий, где без изъянов властвует закон) в Литве, Латвии и Эстонии до консолидации автократий, например, в Узбекистане и Туркменистане, где контроль над процессами трансформации старой системы в новую, вероятно, даже более недемократическую, сохранил узкий слой бывшей советской партийно-хозяйственной номенклатуры. И. Каримов и С. Ниязов, создавшие после распада СССР недемократические режимы «под себя», заняли высшие посты соответ-

ственно в Узбекистане и Туркменистане накануне или в годы перестройки, в дальнейшем похожим образом закрепив свой доминирующий статус в политике. У них не было сколько-нибудь влиятельных конкурентов в среде номенклатуры. Не было в Узбекистане и Туркменистане накануне объявления независимости и в первые годы независимости и каких-либо массовых движений или влиятельных групп за пределами номенклатуры, способных бросить вызов «старому режиму» или новым автократам. Когда зарождающаяся оппозиция быстро подавляется и (или) вытесняется из страны, светским автократам может угрожать только нелояльность приближенных (поэтому нередкими являются чистки по реальным или надуманным поводам) или возникновение более или менее массовой оппозиции на религиозной основе (случай Узбекистана). Ситуация осложняется тем, что оба государства тяготеют к модели государств-рантье. Вот только ресурсные базы для дележа ренты (как и их размеры) и круг получателей рентных доходов у них разные.

Естественно, и упомянутым событиям 1974 г. в Португалии, и событиям 1989 г. что-то предшествовало. Во втором случае политика перестройки М.С. Горбачева в СССР привела к «смягчению» контроля над странами, входившими в сферу влияния Советского Союза, ослабив позиции консерваторов во главе просоветских режимов или прямо приведя к власти «молодых» (на общем фоне правящих геронтократов) партийных функционеров, возглавивших реформы. К тому времени и СССР, и страны социалистического лагеря переживали разные по тяжести кризисные явления в экономике, которые во второй половине 1980-х годов стали быстро нарастать, в итоге вылившись в кризис легитимности старых режимов и рост массовых протестных движений. Нельзя сказать, что эти режимы, если бы их возглавляли другие лидеры, не могли бы применить силу, которая имела в избытке (учитывая, как СССР и социалистический лагерь готовились к войне с «агрессивным империализмом»), и подавить любые выступления, даже если пришлось бы утопить их в крови. К сожалению, такой опыт у стран социалистического лагеря был (например, Венгрия в 1956 г. или Чехословакия в 1968 г.). Вероятно ли, что тем самым можно было отсрочить неминуемый крах советских порядков? Или уже было поздно?

Третья волна демократизации охватила государства на разных континентах и с разными стартовыми условиями. Главным ее результатом можно считать то, что за эти 40 лет в государствах, которые в той или иной мере отвечают теперь критериям демократичности, сейчас живет больше людей, чем когда-либо прежде в истории. Таким образом, демократия, которую сложно назвать с исторической точки зрения естественным явлением (по крайней мере в масштабах больших территориальных образований), учитывая распространенность разных автократий, показала себя вполне дееспособной, не только выжила, но и прижилась.

Как каждый из нас знает из личного опыта, когда все хорошо, мы склонны с оптимизмом оценивать мир вокруг нас, когда все не очень хорошо, наш взгляд на мир и самих себя приобретает пессимистические оттенки. Джон Маркофф, один из авторов книги, которую вы держите в руках, кажется, не без некоторого сарказма вспоминает, что Сэмюэль Хантингтон, перу которого принадлежит «Третья волна: демократизация в конце XX века», за семь лет до издания этого бестселлера опубликовал в хорошем журнале статью под названием «Станут ли больше стран демократическими?», где прямо заключил, что «перспективы распространения демократии на другие общества невелики» [Huntington, 1984, p. 218]. Многие военные и однопартийные режимы казались тогда устойчивыми и долговечными, а новые демократии только делали первые шаги. И вот уже мир наблюдает серию распадов и первых, и вторых и приход к власти сторонников демократических порядков. На рубеже 1980–1990-х годов и в социальных науках, и за их пределами царил оптимизм, вызванный такими потрясающими переменами в совершенно разных странах на разных континентах. Казалось, что самое тяжелое осталось позади, политические и социальные реформы быстро приведут к свободе, безопасности и процветанию. Отдельные срывы, если они происходили, воспринимались как временные явления, даже не остановки, а короткие задержки на магистральном пути к демократии, по которому пошли, идут или скоро начнут движение все без исключения страны мира.

Незадолго до начала третьей волны демократизации в социальных науках разрушительная критика теории модернизации привела к утверждению понимания того, что процессы модернизации и развития не являются универсальными и линейными, автоматически приводящими к усвоению обществами желаемых атрибутов Современности. Некоторые исследователи даже заключили, что возможны особые траектории движения к Современности. Не будет большим преувеличением утверждение о том, что теории демократизации фактически заняли место, которое стало вакантным после «поражения» классической теории модернизации, усвоив все то, за что последнюю подвергали ожесточенной критике. Оказалось, что возможны не только задержки в движении, но и «сход с рельс» [Fish, 2005] и даже утверждение новых автократий после непродолжительных демократических экспериментов (или даже без них). В результате, как пишет А.Ю. Мельвиль, «надежды и иллюзии по поводу ожидавшегося единого и всеобщего вектора глобального политического развития — от авторитаризма к демократии — практически забыты» [Мельвиль, 2011, с. 4]. Исследователи заговорили о «демократическом откате» [Diamond, 2008], «демократической стагнации» и «постдемократии» [Crouch, 2004] и «диффузии авторитаризма» [Ambrosio, 2010]. Тяжесть реакции западных демократий на недавний глобальный экономический кризис заставила говорить не только об ограниченной эффек-

тивности их политики борьбы с кризисом, но и о том, что, собственно, что-то не в порядке с ними самими. В связи с этим примечательно, что один из самых тонко чувствующих конъюнктуру аналитиков и публицистов Ф. Фукуяма, единожды провозглашавший «конец истории», а потом и ее «возобновление», четко сформировал проблему применительно к политическим институтам США, которые длительное время выступали в качестве путеводной звезды для многих теоретиков демократии и почти всех борцов с автократиями: американские политические институты становятся дисфункциональными и приходят в упадок [Fukuyama, 2013].

Демократизация — это процесс, начало которого не в 1974 г. и даже не в XIX в., как утверждают некоторые исследователи. Демократизация — это не только расширение ареала государств, которые соответствуют определенному набору (или наборам) критериев. Демократизация — это длительный процесс эволюции человеческих сообществ, постоянно изобретающих способы управления самими собой, которые мы привычно объединяем под понятием «демократия». Вот только «демократии» оказываются разными, как отличающимися являются вызовы, на которые в разные исторические периоды времени разные общества пытаются ответить. Поэтому возможна и необходима демократизация даже устоявшихся и обладающих солидным «послужным списком» демократических государств. Вероятно, в этом заключается принципиальное отличие демократических обществ от недемократических. Чтобы выжить, демократия должна развиваться, переизобретать себя, расширяя сферу прав и свобод человека и гражданина, совершенствуя механизмы учета интересов групп при принятии обязывающих политических решений. Чтобы выжить, автократы должны постоянно деполитизировать свои народы, держать их в подчинении, подавлять любую оппозиционную активность, покупая теми или иными способами лояльность, объединяя людей против все новых внешних и внутренних угроз. Идеальное общество для автократа — это пассивное общество. Идеальное демократическое общество — это подвижное, деятельное, активное общество, состоящее из множества «критических граждан», готовых отстаивать свои права и свободы, когда им что-то угрожает. Означает ли это, что все автократии — это небезопасные и отсталые страны? Вовсе нет. Есть примеры недемократических государств, которые вполне эффективно создают условия для развития, добиваясь впечатляющих политических и социально-экономических результатов, создавая институты, в том числе «хорошего правления» (например, Сингапур в настоящее время, Южная Корея и Тайвань до начала демократизации в 1980-е годы). Не все автократы — отъявленные эгоисты и психически неуравновешенные самодуры, как не все демократы — «ангелы во плоти», ежесекундно пекущиеся о благе всех граждан, даже тех, кто за них не голосовал. Известны примеры, когда автократы, которых нелегко заподозрить в гуманизме, зачем-то целенаправленно

решали проблему высокой младенческой смертности. Дж. Макгвайер приводит следующую статистику: в период диктатуры Пиночета в Чили коэффициент младенческой смертности снизился с 65 в 1974 г. до 20 в 1984 г. [McGuire, 2001]. Данные результаты не имели естественного характера, а были следствием продуманных и хорошо администрируемых программ, плохо соотносящихся с расхожим образом жестокой диктатуры военных. Зачем автократы это делают? Какие автократы так поступают? Ответы на эти и другие вопросы требуют отдельного рассмотрения. Однако предварительно замечу, что таких великодушных автократов и автократий с хорошими институтами очень мало. Указанным требованиям, напротив, в гораздо большей мере отвечают демократические государства, а большинство «обычных» автократий — нет. Впрочем, и по поводу демократий, даже устоявшихся, не стоит обольщаться. Демократические политики стремятся переизбираться, а избирательные кампании нынче дороги и не во всех странах имеют бюджетное финансирование. Поэтому при определенных условиях политические и экономические элиты в демократиях могут пасть жертвой корпоративных интересов, что в итоге может привести к тому, что они перестанут производить оптимальный объем общественных благ [Olson, 1993].

Демократия как результат эволюционного процесса демократизации — это довольно-таки требовательный социально-политический порядок, «вызревавший» постепенно, решая вполне конкретные злободневные проблемы своего времени, которые нам сейчас могут показаться курьезными. Как указывают Дж. Марч и Й. Ольсен [March, Olsen, 1995], современные демократические политии являются «продуктами вчерашнего дня» (они развивались в уникальных национальных условиях и несут на себе отпечаток истории), оказавшимися в быстро меняющемся социально-экономическом и технологическом контексте. Если раньше применительно к сфере политики и управления в ходу были такие понятия, как долг, справедливость и разумная дискуссия, ведущая к установлению истины и нахождению верного решения, то сейчас чаще говорят о конкуренции, политических коалициях, торге и различных «обменах между рациональными эгоистическими индивидами». Означает ли это, что теперь и правители, и те, кем они правят, стали совсем другими? Означает ли это, что теперь можно полностью отдаться во власть рационально сконструированных правил и установленных ими процедур, например, формирования коалиций и торга?

Главное условие демократии — «цивилизованность граждан, официальных лиц, институтов и политических процессов» (под цивилизованностью понимается «осознание коллективного (гражданственного) характера человеческого бытия»). Для достижения этого условия, по мнению Марча и Ольсена, необходимо сформировать: 1) чувство солидарности, связывающее индивида и политическое сообщество (при сохранении индивидуаль-

ной автономии и отказа от исключения индивидов из политики по разным основаниям); 2) специфические идентичности (или роли, например, гражданина, должностного лица и т.п.), совместимые с демократическими процедурами и поддерживающие их, соответствующие высоким моральным стандартам (любовь к свободе, готовность отстаивать собственные права и права других граждан, а также исполнять гражданский или служебный долг) и способные к самотрансформации; 3) институты, обеспечивающие баланс между сообществом и индивидуальной автономией, между различными идентичностями и лояльностями.

В чем особенности управления демократическими политиями? Демократическое управление в институциональной парадигме, предлагаемой Дж. Марчем и Й. Ольсенем, — не просто формирование и управление коалициями и обменами в рамках неких ограничений, но деятельность по созданию и изменению этих ограничений, влияние на социально-политическую жизнь и саму историю, а также ее восприятие. Демократическое управление предполагает: 1) создание, поддержание и развитие демократических гражданских и групповых идентичностей, а также выявление и противодействие идентичностям, несовместимым с демократией (через социализацию, делиберацию и участие); 2) создание и предоставление гражданам, группам и институтам возможностей для совершения приемлемых политических действий; 3) оценку (интерпретацию) политических действий; 4) развитие политической системы, способной адаптироваться к изменениям требований и вызовам среды.

Оценка (интерпретация) политических событий и действий, а также соперничество различных интерпретаций поддерживают принцип демократической подотчетности. Ее значение неоднозначно: лица, принимающие решения, становятся более осторожными и менее гибкими, рассматривают меньшее количество альтернатив, стараются избегать риска, поддерживают статус-кво и откладывают принятие и исполнение некоторых решений, но при этом с большим вниманием относятся к социальным ожиданиям и т.п. Результатом может стать институциональный склероз. Действительно, подотчетность позволяет гражданам контролировать должностных лиц, но зачастую ценой этого контроля становится игнорирование будущего, поскольку ведет к «близорукости» (надо отчитываться за немедленные результаты даже тех действий, которые могут дать результат только в будущем) и меньшей ответственности самих граждан (или некоторых их категорий). И все же подотчетность граждан и должностных лиц — один из важнейших принципов демократии, по которому имеется широкое согласие (согласия гораздо меньше относительно форм и масштаба подотчетности). Считается, что ключевыми в плане ее обеспечения являются механизмы открытия и предоставления информации о действиях должностных лиц, а также наложения санкций (внешних посредством вы-

боров, судебной системы и т.п. и внутренних, или моральных). Вот только готовы ли граждане тратить свое время и силы на ознакомление и обработку этой информации? В демократических полициях часто возникают противоречия между требованиями прозрачности и публичности власти, с одной стороны, и необходимостью сокрытия информации для эффективной реализации политических курсов в определенных областях (например, во внешней и оборонной политике) — с другой. Часть информации о деятельности должностных лиц не является ни закрытой, ни вполне публичной. По этой причине демократии прибегают к институту парламентского аудита, а также независимых расследований.

Демократическое управление подразумевает три типа действий: 1) «амортизация несовместимостей» посредством привлечения внимания к требованиям различных идентичностей, разделения политической повестки дня, горизонтального и вертикального разделения властей, ограничения непосредственного доступа к принятию решений при сохранении механизмов гражданского контроля над сферой политики, отсрочки принятия решений и т.п.; 2) стимулирование и формирование политического дискурса посредством экспертной оценки политики, эффективного общественного обсуждения каких-то проблем, свободы передачи и получения информации, свободы выражения мнений; 3) определение неприемлемых предпочтений и идентичностей и противодействие им, в том числе их игнорирование. В результате демократическое управление уменьшает вероятность возникновения и интенсивность широкомасштабных конфликтов, способных разрушить демократическую политику; при этом сами конфликты не устраняются полностью, поскольку они — неотъемлемая черта демократии. Кроме того, функциями управления, вытекающими из вышеперечисленных задач, являются «напоминание гражданам и должностным лицам об обязанностях, связанных с этими идентичностями», а также участие в интерпретации идентичностей и обязанностей («политическое управление идентичностями»).

Итак, порядок, создаваемый демократизацией и устоявшихся демократий, и новых демократий, все равно в конечном счете требует наличия вполне определенного типа граждан, о которых можно сказать, что им «не все равно», что они ценят свои свободы и права не меньше, чем комфорт, материальное благополучие и т.д. Почему такой тип граждан вообще появляется? Авторы книги связывают их появление с процессом, который нелегко напрямую перевести на русский язык, — «empowerment», т.е. с расширением политических и экономических возможностей в ходе социально-экономического и политического развития цивилизации. Впрочем, в истории достаточно примеров, когда люди отказывались от таких возможностей во имя чего-то, как им казалось, большего, например, «национального величия» после унижения, «национального единства» после периода вражды и т.п. Последствия такого отказа тоже известны.

В общем, демократизация — это процесс с открытым финалом, она не дает гарантий. Только от нас зависит, кто нами будет управлять и как — мы как самоуправляющийся народ или кто-то другой, например, автократы всех мастей, безответственные политики и т.п. В. Гавелу принадлежит афоризм, напоминающий, что первый вариант все же возможен: «Политика не есть искусство возможного; политика — искусство невозможного».

Как читать эту книгу и зачем она нужна?

Если «Демократизация» и является учебником, как заявляют ее редакторы, то он только частично соответствует этой характеристике. Действительно, все 24 главы, даже вводная и заключительная, имеют очень четкую структуру. Каждая глава со 2-й по 23-ю включительно сопровождается введением, из которого читатель получает достаточно пространное представление об основных рассматриваемых проблемах и их контексте. Кроме того, каждая глава со 2-й по 23-ю включительно завершается заключением, кратко излагающим логику рассмотрения отмеченных выше проблем и еще раз отмечающим важнейшие ее положения, за которым следует список вопросов для самопроверки, список дополнительной литературы по теме и проблемам главы и ссылки на интернет-источники, которые могут быть полезными для самостоятельной работы. Большинство глав содержат рисунки (графики или схемы) и таблицы с дополнительной информацией или ее визуализацией. Не стоит пренебрегать и богатейшей библиографией по различным аспектам, рассмотренным в настоящей книге.

«Демократизация» обеспечена интернет-поддержкой: на сайте издательства Oxford University Press создана страница (актуальный адрес на момент выхода перевода на русском: http://global.oup.com/uk/orc/politics/pol_legal/haerpfgr), на которой для преподавателей и студентов доступно множество полезных материалов — от интерактивных заданий, карт, вопросов для самопроверки до ссылок на журнальные статьи, ежемесячные комментарии в формате эссе (правда, только за 2010 г.) и презентации для преподавателей. Все эти материалы доступны на английском языке.

После публикации в России «Демократизация» по формату и содержанию, вероятно, войдет в число лучших учебников по политической науке в целом и сравнительной политике в особенности, доступных на русском языке. В числе ее авторов и редакторов ведущие специалисты в разных дисциплинарных областях политической науки. И все же вторая самая важная миссия этой книги (первая — это, конечно же, просвещение) связана со структурированием достижений многолетних исследований демократизации, как теоретических, так и эмпирических, а также с обозначением того, что мы до сих пор более или менее достоверно о демократии и демокра-

тизации не знаем. Таким образом, «Демократизация» — это книга, подводящая промежуточные итоги, — и в этом качестве она необходима всем, кто изучает и преподаёт политическую науку, а также пытается разобраться в непростых вопросах политического развития мира последних десятилетий, — и задающая исследовательскую повестку на ближайшее будущее.

Это краткое введение хотелось бы завершить двумя очень личными замечаниями. Во-первых, инициатива перевода и издания «Демократизации» принадлежит Андрею Юрьевичу Мельвилю, учителю и исследователю, задающему высокую профессиональную планку преподавания политической науки в России и изучения политики. Во-вторых, на работу по подготовке перевода ушло больше времени и усилий, чем изначально предполагалось. Эта работа стала таким же трудным вызовом, как и то, чему посвящена «Демократизация». Искренне благодарен коллегам, которые приняли этот вызов и достойно на него ответили, и в первую очередь преподавателям факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ И.М. Локшину и И.А. Томашову, а также А.И. Ефимовой и др.

Михаил Миронюк, май 2014 г.

Литература

Ambrosio T. Constructing a Framework of Authoritarian Diffusion: Concepts, Dynamics, and Future Research // *International Studies Perspectives*. 2010. Vol. 11. P. 375–392.

Crouch C. Post-Democracy. Roma-Bari: Laterza, 2004.

Diamond L. The Democratic Rollback // *Foreign Affairs*. 2008. March/April. P. 36–48.

Fish S.M. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. N.Y. (NY): Cambridge University Press, 2005.

Fukuyama F. The Decay of American Political Institutions // *The American Interest*. 2013 <<http://www.the-american-interest.com/articles/2013/12/08/the-decay-of-american-political-institutions/>>.

Huntington S.P. Will More Countries Become Democratic? // *Political Science Quarterly*. 1984. Vol. 99. No. 2 (Summer). P. 193–218.

March J.G., Olsen J.P. Democratic Governance. N.Y.: Free Press, 1995.

McGuire J.W. Social Policy and Mortality Decline in East Asia and Latin America // *World Development*. 2001. Vol. 29. No. 10. P. 1673–1697.

Olson M. Dictatorship, Democracy and Development // *American Political Science Review*. 1993. Vol. 87. No. 3. P. 567–576.

Мельвиль А.Ю. Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах: препринт WP14/2011/04 (ч. 1) / А.Ю. Мельвиль, Д.К. Стукал, М.Г. Миронюк; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ И БЛАГОДАРНОСТИ

С тех пор как глобальная волна демократизации достигла пика после распада Советского Союза, тема, которой посвящена настоящая книга, стала важнейшей для понимания современного мира политики. Поэтому за последние 10 лет учебные курсы по демократизации появились в качестве центральных компонент в большом и все возрастающем количестве бакалаврских и постдипломных учебных программ по политической науке и международным отношениям. В то же время доступность высококачественных учебников по этой теме ограничена.

Идея новой книги для восполнения указанного пробела впервые появилась во время беседы редакторов этой книги с Рут Андерсон из издательства Oxford University Press в октябре 2006 г. Они согласились, что уже длительное время отсутствует вводный текст, который бы доступно и в систематизированном виде знакомил студентов с теоретическими и практическими аспектами демократизации. Они приняли решение о создании настоящей книги с участием ведущих авторов из разных стран, включая нескольких самых известных исследователей, а также молодых ученых. Подготовленный учебник затрагивает все важные аспекты современной демократизации, включая теории демократизации, необходимые предварительные условия и движущие силы демократического транзита, ключевых акторов и институты, а также условия и вызовы консолидации новых демократий, в том числе анализ неудавшихся случаев демократизации. Стремясь показать, как все эти факторы повлияли на демократизацию во всем мире, мы решили охватить все основные регионы мира и добавили случаи успешной консолидации демократии, равно как и страны, где будущее демократии остается очень неопределенным.

В написании и редактировании этой книги мы обязаны помощи еще большего числа людей — их слишком много, чтобы назвать всех. Но мы бы хотели отдельно поблагодарить за помощь Екатерину МакДонах, отвечающую за создание Центра онлайн-поддержки для этой книги. Конечно же, мы также благодарим всех наших авторов, которые внесли свои знания в концептуальные рамки этой книги. Мы также признательны Рут Андерсон, Сьюзи Армитадж и Томасу Сигелу за терпение и поддержку на разных стадиях работы.

Статья Кристиана В. Харпфера для этой книги была подготовлена благодаря стипендии Центра Вудро Вильсона при Институте перспективных российских и украинских исследований имени Джорджа Кеннана (Вашингтон) и сети CINEFOGO («Гражданское общество и новые формы правления»), созданной на базе Шестой Рамочной программы Европейского союза. Университет Абердина оказал существенную поддержку этому проекту и содействовал участию в нем пяти ученым Департамента политической науки и международных отношений в качестве редакторов и (или) авторов. Мы также выражаем признательность значительному числу анонимных рецензентов, чьи комментарии на начальных этапах работы были чрезвычайно полезными для совершенствования структуры и содержания этой книги. Излишне говорить, что только мы одни несем ответственность за любые оставшиеся ошибки.

О РЕДАКТОРАХ

Кристиан В. Харпфер (автор гл. 1, 20, 24) — адъюнкт-профессор политических наук Университета Абердина (University of Aberdeen), Великобритания

Патрик Бернхаген (автор гл. 1, 3, 8, 24) — преподаватель политических наук и международных отношений Университета Абердина (University of Aberdeen), Великобритания

Рональд Ф. Инглхарт (автор гл. 1, 9, 24) — профессор-исследователь Центра политических исследований Мичиганского университета (University of Michigan), США

Кристиан Вельцель (автор гл. 1, 6, 9, 24) — профессор политических наук Университета Якобса в Бремене (Jacobs University Bremen), Германия

ОБ АВТОРАХ

Дирк Берг-Шлоссер (гл. 4) — профессор политических наук Марбургского университета имени Филиппа (Philipps University Marburg), Германия

Маттис Богаардс (гл. 15) — профессор политических наук Университета Якобса в Бремене (Jacobs University Bremen), Германия

Майкл Браттон (гл. 22) — заслуженный профессор политических наук и профессор Центра африканских исследований Университета штата Мичиган (Michigan State University), США, бывший исполнительный директор Afrobarometer

Мервин Бэйн (гл. 19) — преподаватель политических наук и международных отношений Университета Абердина (University of Aberdeen), Великобритания

Джейсон Виттенберг (гл. 17) — доцент политических наук Калифорнийского университета в Беркли (University of California at Berkeley), США

Катрин Вольтмер (гл. 16) — старший преподаватель политических коммуникаций Лидского университета (University of Leeds), Великобритания

Ричард Гантер (гл. 18) — профессор политических наук Университета штата Огайо (Ohio State University), США

Донателла делла Порта (гл. 12) — профессор социологии Департамента политических и социальных наук Европейского университетского института (European University Institute) во Флоренции, Италия

Хакан Йылмаз (гл. 7) — профессор Департамента политических наук и международных отношений Университета Богазичи (Boğaziçi University), Стамбул, Турция

Франческо Каваторта (гл. 21) — преподаватель Школы права и государственного управления Городского университета Дублина (Dublin City University), Ирландия

Наталия Летки (гл. 11) — доцент Департамента политических наук Университета Collegium Civitas, Варшава, Польша

- Иан МакАллистер** (гл. 13) — профессор политических наук Исследовательской школы социальных наук Австралийского национального университета (Australian National University), Австралия
- Джон Маркофф** (гл. 5) — профессор социологии, истории и политических наук Университета Питтсбурга (University of Pittsburg), США, и профессор-исследователь Университетского центра международных исследований Университета Питтсбурга
- Леонардо Морлино** (гл. 14) — профессор политических наук Итальянского института гуманитарных наук (Istituto Italiano di Scienze Umane), Флоренция, Италия, и директор Центра исследований Южной Европы в Университете Флоренции
- Андреа Ольснер** (гл. 19) — преподаватель политических наук и международных отношений Университета Абердина (University of Aberdeen), Великобритания
- Памела Пакстон** (гл. 10) — доцент Департамента социологии Университета штата Огайо (Ohio State University), США
- Гарри Раунсли** (гл. 16) — профессор азиатских международных связей Лидского университета (University of Leeds), Великобритания
- Федерико М. Росси** (гл. 12) — исследователь Департамента политических и социальных наук Европейского университетского института (European University Institute) во Флоренции, Италия
- Ричард Роуз** (гл. 2) — директор Центра изучения публичной политики и профессор политических наук Университета Абердина (University of Aberdeen), Великобритания
- Роллин Ф. Тусалем** (гл. 23) — аспирант Департамента политических наук Университета Миссури (University of Missouri), США
- Стивен Уайт** (гл. 13) — профессор международной политики и старший научный сотрудник Школы центрально- и восточноевропейских исследований Университета Глазго (University of Glasgow), Великобритания
- М. Стивен Фиш** (гл. 17) — профессор политических наук Калифорнийского университета в Беркли (University of California at Berkeley), США
- До Чулл Шин** (гл. 23) — профессор политических наук Университета Миссури (University of Missouri), США

В 1989 г. впервые в мировой истории (не считая краткого периода после Первой мировой войны) число демократий, неуклонно увеличивавшееся с начала 1970-х годов, превысило число автократий. Действительно, данные проекта Polity IV указывают на то, что число «полных демократий» (full democracies) в мире возросло с 44 в 1985 г. до 93 в 2005 г. (см. рис. 1.1). За два десятилетия численность демократических режимов увеличилась более чем в 2 раза, в то время как количество автократий уменьшилось вдвое. Такое стремительное развитие представляло собой глобальную волну демократии.

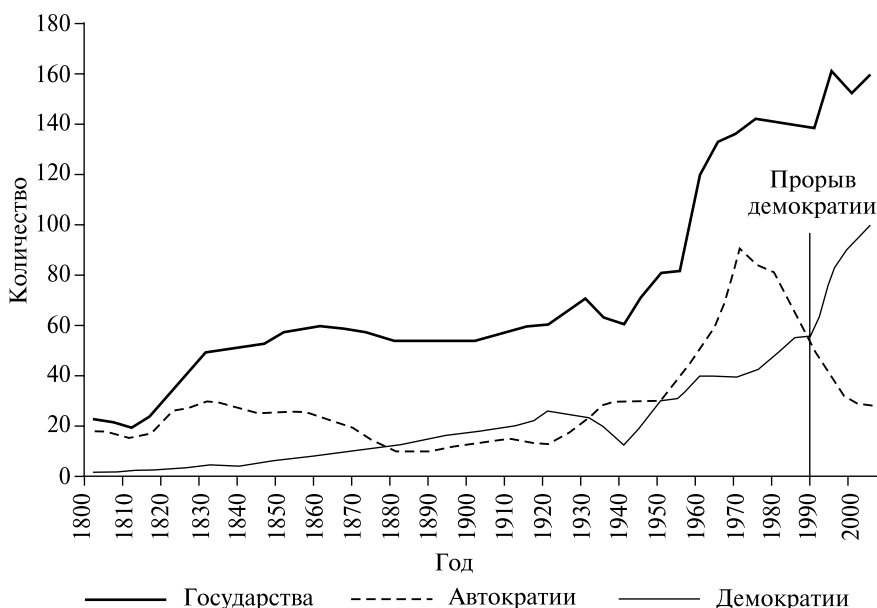

Рис. 1.1. Глобальная волна демократии

Примечание: Демократии, показанные на графике, — это «полные демократии», представленные странами в верхнем квартиле по шкале «демократия — автократия» Polity IV, а «полные автократии» — это страны в нижнем квартиле. Переходные типы режимов не представлены на графике.

Впервые в истории человечества большая часть населения мира живет в странах, которыми управляют правительства, избираемые на свободных выборах. Сэмюэль Хантингтон [Huntington, 1991] называл это явление «третьей волной демократизации» и характеризовал его как «одно из наиболее значимых изменений в истории человечества». Данное утверждение не является преувеличением. Демократия приводит к улучшению жизни людей во многих отношениях. По сравнению с недемократическими режимами демократические страны лучше справляются с обеспечением защиты и уважения прав человека применительно к своим гражданам [Рое, Tate, 1994]. Вероятно, демократия снижает риск гражданской войны [Gurr, 2000] и даже риск терроризма [Li, 2005]. Также имеются свидетельства того, что демократические страны придерживаются более мирной политики в международных отношениях [Russett, 1993]. Демократические *государства* являются, как правило, более богатыми и экономически развитыми, чем недемократические, хотя неясно, способствует ли экономическое благополучие демократии или наоборот, или же они взаимно друг друга поддерживают. Демократии приписывается создание более благоприятной среды для экономического развития и более справедливое распределение общественных благ [Reuveny, Li, 2003], а также уменьшение наиболее экстремальных уровней бедности [Sen, 1999]. Однако доказательная база для последних двух утверждений неоднозначна. В то время как Брюс Буэно де Мескита и его соавторы [Bueno de Mesquita et al., 2003] обнаруживают, что демократия ведет к снижению детской смертности, статистический анализ Майкла Росса [Ross, 2006] демонстрирует менее однозначные результаты. Куан Ли и Рафаэль Рёвени [Li, Reuveny, 2006] считают, что демократические режимы лучше справляются с защитой окружающей среды, хотя имеются также и основания опасаться, что демократические институты способствуют безответственной политике в области экологии [Gleditsch, Sverdrup, 2003]. Наконец, существуют свидетельства того, что демократия приводит к росту уровня счастья и удовлетворенности жизнью [Inglehart et al., 2008]. Несмотря на некоторый скептицизм, демократии приписывается масса положительных результатов.

Многие из позитивных аспектов демократии слабее выражаются в новых демократиях, нежели в консолидированных [Rose, 2001]. Как показано на рис. 1.2, права человека, процветание, мир и социальные расходы имеют сильную взаимосвязь с уровнем развития демократии. Например, страны, демонстрирующие наивысшие показатели развития демократии, имеют усредненный уровень дохода, в 4 раза превышающий аналогичный показатель у стран с самым низким уровнем развития демократии. Столбцы здесь отражают силу корреляции. При внесении в модель в качестве контрольной переменной продолжительности демократического правления корреляция демократии с процветанием, миром и правами человека зна-

чительно снижается, что может свидетельствовать о сильной связи между продолжительностью демократического правления и факторами, перечисленными выше [Gerring et al., 2005]. Но корреляции не исчезают, они сохраняют положительные значения и высокую статистическую значимость: даже новые демократии имеют более высокие показатели по параметрам прав человека, процветания, мира и социальных расходов, нежели недемократические режимы. Рост уровня развития демократии приводит к улучшению жизни людей во многих важных отношениях.

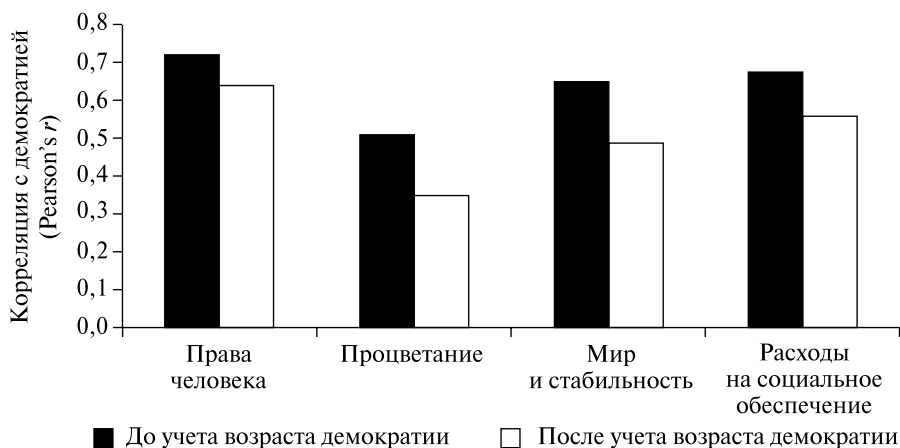

Рис. 1.2. Связь между демократией и гуманными, процветающими и мирными обществами

Примечание: Демократия — это комбинированный и инвертированный индекс Freedom House, усредненный за период 2000–2005 г. Показатель «Права человека» измеряется индексом «Прав физической безопасности» за период 2000–2004 г. Дэвида Сингранелли и Дэвида Ричардса (см.: <http://ciri.binghamton.edu>). «Процветание» измеряется как ВВП на душу населения по ППС за 2003 г. Источник данных — Всемирный банк. «Мир и стабильность» — это показатель «Политическая стабильность и отсутствие насилия» базы данных «World Governance Indicators» за 2005 г. «Расходы на социальное обеспечение» измеряются с помощью данных Всемирного банка о государственных расходах (на здравоохранение и сферу образования за минусом военных расходов). «Возраст демократии» измеряется индексом «запаса демократии» («democracy stock» index) Джона Герринга за 1995 г. [Gerring et al., 2005].

Хотя демократии имеют тенденцию добиваться лучших результатов по данным направлениям по сравнению с диктатурами, это статистические тенденции, а не «железные законы». Можно найти случаи, когда автократии хорошо справляются с удовлетворением ожиданий граждан и поэто-

му имеют высокие уровни *легитимности*. Например, Сингапур является процветающей и хорошо управляемой страной, несмотря на то что он находится под властью автократического правительства. И Китай в настоящее время отличается одними из самых высоких темпов экономического роста в мире. Демократии демонстрируют тенденцию к большей результативности, чем автократии, однако нет гарантий того, что они действительно будут более результативными. Помимо выгод, которые привычно ассоциируются с демократией, существуют и этические основания полагать, что люди должны сами заниматься своими общими политическими делами, придерживаясь демократических принципов. Демократическое правительство максимизирует масштабы обеспечения индивидуальной автономии и политического равенства, которые имеют высокую ценность в большинстве стран мира. Автономия позволяет индивидам выбирать, как они хотят жить. Это соотносится с положением о том, что взрослые люди в большинстве случаев являются лучшими судьями в том, что касается их собственных интересов и целей [Dahl, 1989, p. 129–130]. Без персональной автономии невозможно следовать своей воле, что является основополагающим требованием морального поведения. Согласно Иммануилу Канту [Kant, 1996 (1788)], разум — уникальная черта человека — позволяет людям обладать свободой воли. Свободная воля возможна только в том случае, если налагаемые индивидом на себя императивы признаются универсальными законами. Для Канта подчинение установленным для самого себя законам — автономия воли — есть основание человеческого достоинства и высшего морального принципа.

В связи с тем что автономия имеет такое фундаментальное значение, она должна в равной степени применяться, насколько это только возможно, ко всем людям; любое отклонение или ограничение будут означать ущемление человеческого достоинства. Таким образом, аргумент в пользу автономии также является аргументом в пользу равенства. Роберт Даль полагал, что принцип врожденного равенства является неотъемлемой частью основополагающих убеждений и ценностей западного общества [Dahl, 1989]. Далее в этой книге мы рассмотрим, как такая апелляция к общему культурному наследию создает проблемы для универсальной привлекательности демократии. Тем не менее особая значимость равенства притягательна для многих незападных обществ, и существуют доказательства того, что стремления к свободе и автономии являются универсальными стремлениями человека [Welzel et al., 2003].

С учетом всех приведенных выше причин недавнее значительное расширение ареала демократии широко рассматривалось как создание возможностей для более процветающего, благополучного и гуманного мира. Политологи с большим энтузиазмом оценивали демократические тенденции последних десятилетий, и Фрэнсис Фукуяма [Fukuyama, 1992] охарак-

теризовал триумф демократии как «конец истории», выдвинув идею о том, что с крушением коммунизма более нет альтернативных моделей, которые могли бы бросить вызов притязаниям либеральной демократии быть лучшей формой организации общества.

Но все же есть весомые причины и для критической оценки демократического тренда. Во-первых, многие новые демократии демонстрируют наличие серьезных дефектов, особенно в части защиты прав человека, уважения принципа *верховенства закона*, *подотчетности* и прозрачности. «Эффективные демократии», т.е. такие демократии, в которых верховенство закона эффективно защищает права граждан, все еще представляют собой очевидное меньшинство стран мира, составляя примерно половину от всех демократических стран и четверть всех государств мира в целом. Во-вторых, даже несмотря на почти всеобщую поддержку демократии населением, поддержка со стороны многих граждан является поверхностной, т.е. без действительно демократической мотивации [Inglehart, 2003]. Особенно в новых демократиях, в которых граждане поддерживают новый режим на словах, демократия часто обретает поддержку, так как ее ассоциируют с благосостоянием, а не с благом самим по себе, и значение ее может быть неверно истолковано. Поэтому как бы удивительно это ни было, существует очень слабая связь между уровнем поддержки демократии в определенном обществе и реальным уровнем развития демократии в стране.

Тем не менее глобальное распространение поддержки демократии и расширение ареала демократии являются важным поворотным моментом в истории. Сегодня практически во всех странах мира демократия стала единственным надежным фундаментом для обретения политической легитимности. Больше чем когда-либо правительства разных стран мира оцениваются и сопоставляются с демократическими стандартами международными организациями, СМИ, некоммерческими организациями и международными неправительственными организациями, в том числе такими как Amnesty International, Human Rights Watch, Journalists Without Borders, Transparency International и многими другими. Рост транснационального гражданского общества, которое сосредоточено на оценке и продвижении демократии, является отражением глобального демократического тренда. Большим успехом демократии является то, что она воспринимается как наиболее широко распространенная модель легитимной формы организации человеческого общества.

Подходы к изучению демократизации

Глобальный демократический тренд последних десятилетий как объект изучения представлен в растущем корпусе научной литературы. Было пред-

ставлено огромное количество объяснений и интерпретаций глобального распространения демократии. Несмотря на это разнообразие, существуют две относительно простые отличительные черты, определяющие четыре основных подхода к изучаемому явлению.

Первая особенность подразумевает два разных фокуса исследования: первый предполагает поиск ответов на вопросы, *как* возникает демократия, второй — *почему* она возникает. Первый подход к изучению демократии делает акцент на том, что происходит во время процесса демократизации, выделяя роль пактов элит, массовых *социальных движений* или международных вмешательств. Этот подход требует обращать внимание скорее на непосредственные, нежели долгосрочные причины. Строго говоря, этот ситуативно-ориентированный подход не объясняет демократизацию. Скорее он дает описание демократизации, даже если такое описание имеет высокоформализованный вид, как, например, в теоретико-игровых моделях процессов перехода к демократии. Сильная сторона данного подхода заключается в том, что он позволяет показать роль человеческой агентивности (*human agency*), т.е. того, как именно конкретные лица, принимающие решения, осуществляют демократизацию.

Второй подход фокусируется на условиях, которые предшествуют процессам демократизации. Его целью является выявление факторов, которые способствуют началу и успеху демократизации, а не фиксация того, что происходит в рамках самого процесса демократизации. Применяя данный подход, исследователи выделяли роль экономического развития, социальных расколов, классовых коалиций, международных союзов или структуры мировой экономической системы. В этом случае акцент сделан на то, *почему*, а не *как* происходят демократические транзиты. Сильная сторона такого подхода, ориентированного на изучение условий, заключается в выявлении глубинных причин и обстоятельств, в рамках которых обычно происходят демократические транзиты.

Сильные и слабые стороны ситуативно-ориентированного и ориентированного на условия подходов совместимы. Более того, они великолепно дополняют друг друга, и нет причин рассматривать их в качестве конкурентов. Достижения каждого из подходов должны быть интегрированы для обеспечения полного понимания процессов демократизации.

Вторая отличительная черта приводит к появлению подходов, которые фокусируются на внутренних и внешних факторах соответственно. В ранних работах, посвященных переходам к демократии, каждый переход рассматривался как преимущественно изолированное событие в отдельной стране. Но когда множество процессов демократизации, образовав международные волны, слились в широкую волну демократии, начавшуюся после 1970 г., становится очевидным, что утверждение о внутренних источниках переходов к демократии не учитывает всей сложности про-

исходящего. Понятно, что когда процессы демократизации принимают характер международных трендов, действуют международные и транснациональные силы и акторы. Поэтому современный подход подчеркивает роль изменяющихся международных союзов, либерализации глобальной экономической системы, распространения демократических идей посредством глобализации информации, мировой торговли и туризма, продвижения демократии через действия национальных правительств на международной арене и международных организаций, включая международные неправительственные организации (МНПО), а также решающих событий, которые изменили международный контекст в пользу демократии, такие как отказ от *доктрины Брежнев*.

Как и внутренние факторы, международные факторы не могут сами по себе приводить к демократизации. При изучении того, что происходило в Латинской Америке, Восточной Азии, Восточной Европе или Африке южнее Сахары, становится очевидным, что многие страны в одном и том же регионе испытывали влияние сходных международных факторов, однако эти страны имели принципиальные отличия в том, что касается времени и масштаба их демократизации, как и в том, начали ли они демократизацию вообще. Международные факторы могут создавать структуру внешних возможностей, которые облегчают или осложняют осуществление демократизации, погружая все страны какого-то региона в новую ситуацию. Однако то, как эти возможности используются в странах, зависит от внутренних факторов. И снова эти два подхода являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими.

В научных дискуссиях нередко радикальные заявления сначала некритически принимаются, а затем становятся предметом ожесточенных споров. Например, тезис Адама Пршеворского и его соавторов [Przeworski et al., 2000] о том, что экономическое развитие не способствует развитию демократии, но помогает существующим демократиям выживать, ранее пользовался широкой поддержкой, но недавно подвергся переоценке. Карлес Бош и Сьюзен Стоукс [Boix, Stokes, 2003], а также Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцель [Inglehart, Welzel, 2005] критикуют данное утверждение, представляя сильные аргументы в пользу того, что экономическое развитие действительно содействует появлению новых демократий. Аналогичным образом Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон [Acemoglu, Robinson, 2006] утверждали, что основной движущей силой демократизации является интерес населения к экономическому перераспределению. Однако наиболее сильная волна демократизации в современной истории — демократизация стран коммунистического блока — вряд ли была спровоцирована стремлением к справедливому распределению ресурсов; скорее она была вызвана желанием масс избавиться от системы, которая осуществляла сравнительно равное распределение ценой человеческой свободы. Похо-

же, что и разделяемый многими тезис Асемоглу и Робинсона также будет подвергнут переоценке. Действительно, можно утверждать, что основной мотивационной силой демократизации было скорее желание свободы, а не экономического перераспределения [Hofferbert, Klingemann, 1999].

Неверно полагаться только на один-единственный объяснительный фактор. В данной книге представлен ряд исследовательских перспектив, подходов и находок, которые определяют изучение демократизации. Несколько различных аналитических перспектив вносят вклад в понимание данной темы. Соответственно, цель настоящей книги — структурированный обзор ведущих исследовательских перспектив и находок, связанных с демократизацией.

План книги

В настоящей книге демократия и демократизация (как процесс достижения демократии) будут рассматриваться во взаимосвязи. Наша мотивация для такого совмещения основана на убеждении в том, что ключевые факторы, которые способствуют улучшению или ослаблению демократии, действуют в отношении и консолидированных демократий, и новых демократий, и режимов, находящихся в процессе демократизации. Эта общая идея книги, в которой каждый подход к демократизации представлен ведущим исследователем в данной области. Последовательность и порядок глав основан на четырех аспектах демократизации: 1) теоретические и исторические перспективы демократизации; 2) причины и аспекты демократизации; 3) акторы и институты демократизации; 4) географические регионы демократизации. Главы распределены по этим четырем частям.

Разные люди вкладывают разные смыслы в понятие демократии, и то, что отделяет демократии от недемократических режимов, не так очевидно, как это может показаться на первый взгляд. Демократия находится на подъеме начиная с конца XVIII в. (за исключением отдельных периодов спада). Прежде всего надо попытаться понять, что такое демократия и каким образом можно отличить ее от всех других режимов. Более того, чтобы понять недавнюю глобальную волну демократизации, необходимо учитывать исторический контекст.

В первой части «Теоретические и исторические перспективы» рассматриваются различия между демократическими и недемократическими государствами (гл. 2) и способы определения демократичности (недемократичности) и измерения уровня развития демократии (гл. 3). В главе 4 представлен исторический обзор демократизации начиная с конца XVIII в., включая «волны» и «развилки». Глава 5 посвящена глобальной волне демократизации начиная с 1970 г. и до настоящего момента. В главе 6 содер-

жится обзор основных теоретических объяснений демократизации — от ситуативно-ориентированных подходов до подходов, фокусирующихся на причинах, а также дается оценка относительной объяснительной ценности различных факторов (относительно расширения возможностей граждан).

Во второй части «Причины и проявления демократизации» представлен анализ факторов, которые способствуют или препятствуют демократизации, а также той роли, которую играет демократия вне узких рамок политической сферы. В главе 7 рассматривается международный контекст демократизации, роли, которые играют наднациональные, межправительственные и международные неправительственные организации в процессе демократизации, а также место демократизации во внешней политике ключевых акторов, таких как США и ЕС. В главе 8 показано, как экономические факторы воздействуют на переходы к демократии, рассмотрены проблемы, связанные с одновременным переходом коммунистических систем к демократии и капитализму, показана роль деловых элит в процессе демократизации¹. В главе 9 уделено внимание политической культуре, религии и вопросам легитимности, изучению роли массовых убеждений в демократизации, особенно той роли, которую играют распространяющиеся идеи эмансипации. В главе 10 изучается масштаб выгод, получаемых женщинами от демократизации, что подтверждает положение о том, что демократизация включает не только наделение избирательными правами, но и другие аспекты социальной, экономической и политической жизни с акцентом на большое значение *гендерного* равенства. В главе 11 изучается значение гражданского общества и социального капитала для успешной демократизации, содержится обзор дебатов, вызванных Робертом Патнэмом, а также изучаются проблемы «слабого» гражданского общества и его влияния на демократизацию.

Демократия не возникает автоматически при появлении благоприятных социальных и экономических условий. Она нуждается в активизации населения, выдвигающего требования и обсуждающего политические реформы на тех «аренах», где идет борьба за демократию. Даже когда главные условия являются благоприятными, демократия может разрушиться, если сделан неверный выбор или нет соответствующих политических институтов. В третьей части «Акторы и институты» рассматривается роль социальных движений, протеста и международных правозащитных сетей (*advocacy networks*) в переходах к демократии (гл. 12), роль выборов и электорального поведения в демократизирующихся государствах и новых демократиях (гл. 13). Глава 14 посвящена роли политических партий, а глава 15 — роли избирательных и партийных систем. Также в главе 15 представлен анализ эффектов, вызываемых парламентскими и президентскими системами.

¹ В настоящей книге понятия «политический порядок», «политическая система» и «политический режим» используются как взаимозаменяемые.

В главе 16 рассматривается связь между СМИ, демократией и демократизацией. В последней, 17-й главе этой части содержится анализ неудачных и незавершенных процессов демократизации, а также указаны ключевые факторы, которые приводят к срыву демократизации.

В четвертой части книги («Регионы демократизации») рассматриваются проявления глобального демократического тренда в разных регионах мира. В большинстве глав этой части книги соблюдена единая структура: каждая глава открывается кратким историческим обзором, а затем представлен анализ того, как факторы, выделенные во второй и третьей частях книги, воздействуют на процессы демократизации в конкретном регионе. Акцент сделан на регионы, а не отдельные страны, что облегчает обсуждение международных переменных, эффектов «заражения» и других аспектов региональной динамики. Рассмотрение регионов проводится в соответствии с тем, как распространялась по миру глобальная волна демократии. В главе 18 анализируется ход трансформаций в Южной Европе в 1970-е годы, рассматривается роль кризисов легитимности авторитарных режимов до начала демократизации, пактов элит и мобилизации масс, а также международное влияние, оказанное ЕС. В главе 19 рассматривается демократизация в странах Латинской Америки с акцентом на демократические транзиты и *консолидацию* демократии в Аргентине, Чили, Мексике и Венесуэле. Глава 20 посвящена демократизации в странах посткоммунистической Европы и бывшего Советского Союза, которые составляют наибольшую группу стран, оказавшихся под воздействием глобального демократического тренда. В главе отмечается уникальность масштаба и скорости транзитов в этом регионе и приводится объяснение того, почему процесс демократизации был очень успешен в некоторых странах, а в других потерпел полное поражение. Примеры успешных переходов к демократии в странах Северной Африки и Ближнего Востока, ставших объектом изучения в главе 21, весьма редки. Политический ислам, палестино-израильский конфликт, преобладание рентоориентированных экономик, основанных на нефтяном богатстве, являются уникальными и важнейшими факторами, оказывающими влияние на развитие данного региона. В главе 22 изучается демократизация в беднейшем регионе мира — Африке южнее Сахары. Несмотря на то что данный регион до сих пор испытывает тяжелые экономические проблемы, он тем не менее тоже испытал на себе действие сильного демократического тренда, к удивлению многих наблюдателей. В этой главе особое внимание уделено Южной Африке, Кении, Руанде и Зимбабве. Наконец, глава 23 посвящена демократизации в Юго-Восточной Азии. Здесь рассматриваются примеры успешной демократизации, проведенной под давлением масс (Филиппины и Южная Корея), и отличный от них пример демократизации под управлением элит на Тайване. В данной главе также уделено внимание неудачным попыткам оказания

давления со стороны населения с целью демократизации, как в Китае; демократизации, которая была отброшена назад из-за прихода к власти военных (Таиланд), а также примерам полного отсутствия каких-либо попыток демократизации (Вьетнам и Сингапур).

В заключительной, 24-й главе книги подводятся общие итоги рассмотренных проблем и описываются «уроки», которые могут вынести для себя участники процессов демократизации. На такой основе мы предлагаем набросок перспектив дальнейшего распространения демократии и углубления процессов демократизации в разных регионах мира. Для этого глобальный демократический тренд последних десятилетий рассматривается в более широкой эволюционистской перспективе, основанной на естественном отборе режимов, отражающем относительную вероятность их выживания в заданных средах.